

Юнь Жань приложила ладонь к низу живота, словно с трудом сдерживая сильную боль, и медленно кивнула.

Гу Чэнь, видя её страдания, после короткого колебания села у изножья кровати:

— Я знаю, что у тебя много правил, но помни: я врач. Перед врачом не нужно соблюдать столько условностей.

Юнь Жань приоткрыла глаза. Кажется, она удивилась, зачем Гу Чэнь снова говорит это, но прежде чем успела спросить, та уже сняла слегка влажную одежду, скинула обувь и носки и, забравшись с изножья, устроилась у неё под одеялом.

— Гу Чэнь, ты...

Не успела она договорить, как её лодыжку схватили. Она почувствовала, как Гу Чэнь нажимает на определённую точку на её ноге, и по телу разлилось тепло, вызывая приятное онемение. Юнь Жань инстинктивно схватилась за простыню, отвернулась, и её щёки запылали:

— Гу Чэнь, что ты делаешь?

Она сжала кулаки. Неужели нельзя обойтись без этого, без такого... Хотя ты и врач, но всё же стоит быть сдержаннее. Что значит так запросто залезать в чужую постель?

— Массирую точку, чтобы облегчить боль.

Гу Чэнь говорила совершенно естественно, с видом настоящего профессионала, словно вовсе не залезла в постель к девушке:

— Сколько раз я тебе говорила, я врач. Что может делать врач? Конечно, лечить тебя.

Юнь Жань взглянула на письмо, брошенное Гу Чэнь на пол, и через некоторое время сказала:

— Но тебе не нужно было залезать в мою постель.

Гу Чэнь тихо рассмеялась, продолжая массировать точку, и поддразнила:

— Что, маленькая княжна, не хочешь? Я бы тоже не хотела, но посмотри на себя. Твоя лодыжка легко простужается, а на улице дождь. Я ведь просто хотела уберечь твоё хрупкое тело от холода, укрыв его одеялом. К тому же, мы обе женщины, так чего тут стесняться? Ну ладно, я чуть старше тебя, говорят, старшая сестра как мать. Если ты никак не можешь принять мою роль врача, то, может, смиришься и...

— Будешь считать меня своей матерью?

Юнь Жань слегка толкнула Гу Чэнь ногой:

— Гу Чэнь, ты переходишь границы!

Сказав это, она опустила глаза и замолчала, позволяя Гу Чэнь продолжать массаж. Не знала ли она, из-за ли психологического эффекта или это действительно помогало, но тянущая боль в животе постепенно ослабевала. Юнь Жань слегка подняла взгляд на сосредоточенную Гу Чэнь, и вдруг сердце её сжалось от боли. Она положила руку на грудь и отвернулась.

Разве то, что мы обе женщины, действительно означает, что нечего стесняться? Гу Чэнь, ах, Гу

Чэнь, не знаю, то ли ты действительно такая беспечная, то ли просто наивная. Чем больше ты женщина, тем больше нужно быть осторожной. Это был последний урок, который преподала ей мать перед смертью, и Юнь Жань всегда помнила его. Но в случае с Гу Чэнь казалось, всё это не имело для неё значения. Она была так прямолинейна и искренна, что Юнь Жань терялась.

— Кстати, ты ещё не рассказала, в чём дело с канцлером.

После некоторого времени массажа любопытство Гу Чэнь начало брать верх:

— Цин Луань сказала, что он тебе чем-то помог. Что это было?

— Цин Луань? Куда эта девчонка пропала?

Юнь Жань вдруг вспомнила, что именно Цин Луань должна была принести письмо, но в итоге его доставила Гу Чэнь, а сама Цин Луань до сих пор не вернулась.

Гу Чэнь отвела взгляд:

— Я велела ей остаться снаружи и прийти в себя.

Подумав, добавила:

— Ничего страшного.

— Молодая глава, конечно, знает меру.

Юнь Жань, слушая шум дождя за окном, произнесла с холодком в голосе:

— Если Цин Луань обидела вас, то это моя вина в воспитании. Я приношу вам извинения. Цин Луань не раз терпела поражение от вас, это её собственная неумелость, но, пожалуйста, пощадите её ради меня.

— Ведь рядом со мной осталась только она одна.

Гу Чэнь, услышав это, на мгновение замедлила движения рук, а затем, делая вид, что ничего страшного, объяснила:

— Схватки в мире боевых искусств — обычное дело, что тут обидного? Ты слишком строга, княжна. Ты говоришь, что рядом с тобой только она одна, но я ведь не пытаюсь отнять её у тебя. Зачем так сердито говорить?

Она сказала это, пока надевала носки Юнь Жань, поправляя одеяло и приводя себя в порядок:

— Ну как, живот ещё болит?

Гу Чэнь сменила тему, не упоминая о том, что Цин Луань намеренно провоцировала её. Она поняла, что эта на вид хрупкая княжна на самом деле очень защищает своих. Если её человек выглядит обиженным, княжна, естественно, расстраивается.

Просто детский характер!

— Болит.

Юнь Жань, глядя на Гу Чэнь, произнесла это слово, сжимая живот. Хотя боль была, но уже не

такая сильная, как раньше. Она видела по выражению лица Гу Чэнь, что её слова в защиту Цин Луань задели гордую молодую главу. Осознав это, она вдруг почувствовала, что её голос невольно приобрёл нотки каприза.

Она капризничает перед Гу Чэнь? Юнь Жань, глядя на узорчатое одеяло, застыла в раздумье.

Гу Чэнь тоже заметила это. Та лёгкая досада, которая возникла из-за того, что Юнь Жань защищала Цин Луань, мгновенно рассеялась после её мягкого и нежного «болит». Когда Гу Чэнь осознала это, её ладонь уже лежала на животе Юнь Жань, согревая его с помощью внутренней силы.

Тепло разлилось по всему телу. Хотя Юнь Жань была мягкой по характеру и держалась с достоинством княжны, с детства она была окружена только няньками и служанками и не имела опыта капризов. Поэтому, неожиданно для себя, она почувствовала неловкость, а когда Гу Чэнь начала массировать её живот, это стало ещё более неудобным. Она сжала кулаки, потом разжала и, наконец, положила руку на плечо Гу Чэнь, мягко оттолкнув её:

— Ты... Садись туда.

— Нет, мне пора идти.

Она встала, наклонилась, чтобы поднять письмо с пола, аккуратно сложила его и положила под подушку Юнь Жань:

— Раз уж расторгли помолвку, когда мы поедem на юг? Мне нужно подготовиться.

Теплота, которая только что была в сердце Юнь Жань, рассеялась, и её голос стал холоднее:

— Не знаю. Это всего лишь письмо о расторжении помолвки от канцлера, оно ничего не значит.

— Что?

Гу Чэнь с опозданием вспомнила, что помолвка Юнь Жань была дарована императором. Канцлер изначально был против, но его мнение никого не интересовало. Теперь его письмо о расторжении помолвки тоже ничего не значило!

— Ты человек из мира боевых искусств, разве не знаешь их уловок?

В глазах Юнь Жань мелькнула хитрая улыбка, и она снова достала письмо:

— Это всего лишь прикрытие. Как ты думаешь, почему канцлер осмелился так открыто отправить мне это письмо? Конечно, он осмелился. Он открыто отправляет мне письмо о расторжении помолвки, и никто не посмеет возразить. Раз уж ты обидела Цин Луань, то теперь ты должна расшифровать это письмо. У тебя есть время, пока сгорит одна палочка благовоний, но только не испорти письмо.

Гу Чэнь смотрела на письмо в руках с ошеломлённым выражением лица. Она никак не ожидала, что здесь может быть скрыт какой-то секрет. Тонкий лист бумаги — что же в нём скрыто?

— Почему канцлер...

Гу Чэнь переформулировала вопрос:

— Он тоже из Павильона Таньюэ?

Юнь Жань покачала головой:

— Нет, это скорее связано с давними обидами прошлого поколения. Перед смертью мать попросила его присмотреть за мной.

Гу Чэнь, вспомнив былую славу старшей принцессы в Столице и её толпы поклонников, протянувшихся до городских ворот, всё поняла. Она уже хотела что-то сказать, но Юнь Жань продолжила:

— Не так, как ты думаешь. Канцлер — человек благородный, заботящийся о благополучии народа. Я... я воспользовалась этим, чтобы уговорить его сотрудничать со мной. Фактически, я его использовала, но канцлер не держит на меня зла и продолжает заботиться обо мне, делая мне одолжения.

Здесь, видимо, скрывалось много историй. Гу Чэнь, видя, что Юнь Жань выглядит уставшей, не стала её утомлять. Взяв письмо, она улыбнулась:

— Я не слишком искусна, возможно, не смогу расшифровать его за время горения одной палочки благовоний. Ты поспи немного, а я разбужу тебя, когда закончу.

Опустив полог кровати, Гу Чэнь внимательно рассмотрела письмо при свете. Письмо о расторжении помолвки было написано с искренними чувствами, и Гу Чэнь подумала, что этот брак действительно не должен состояться, иначе они станут самой несчастной парой в мире, напрасно потратив время друг на друга. Возможно, это было искреннее мнение канцлера.

<http://bllate.org/book/16781/1543077>